

Олег Паршев

Перекрёсток



Рассказы+

Олег Паршев

Перекрёсток. Рассказы+

«Издательские решения»

Паршев О.

Перекрёсток. Рассказы+ / О. Паршев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-904381-8

Приключение и фантастика, прошлое и будущее, немного абсурда и иронии... Если, уважаемый читатель, всё это тебе по душе, то... Седлаем коней! Заправляем звездолёты! И — вперёд!

ISBN 978-5-44-904381-8

© Паршев О.
© Издательские решения

Содержание

Рассказы	6
Перекрёсток	6
Мгла	12
Все́му своё время	18
Я вернусь	23
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Перекрёсток Рассказы+

Олег Паршев

© Олег Паршев, 2018

ISBN 978-5-4490-4381-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Рассказы

Перекрёсток

Ливень обрушился внезапно. Полоснула по глазам молния; подоспевший гром разорвался, зазвенел оконными стёклами, и хлынул потоком дождь. А я досадливо поморщился, огляделся и, спасаясь от воды, юркнул в какое-то неизвестное мне кафе. Разочарованный и удручённый. Потому что везде и всюду безнадёжно опоздал. Но, спустившись в подвальчик, не пожалел. Приятно тут оказалось – тепло и сухо. И вполне уютно.

Бросив плащ на спинку стула, я уселся, заказал кофе и тут же увидел за соседним столиком синеглазую брюнетку – взъерошенную и намокшую не меньше меня. Не заметить я её не мог – она сидела напротив. Но вот чем она мне приглянулась? Тут сказать сложно. Вроде б, не красотка; и, вообще, ничего особенного – маленькая и со вздёрнутым носом. Но при одном лишь взгляде на неё я слышал стук собственного сердца. Никогда прежде со мной ничего подобного не случалось. Я словно заглянул за укутавшие землю облака и обнаружил за ними солнце. А ещё, на мгновенье закрыв глаза, увидел, как вспорхнули бабочки и закачались по ветру ромашки.

Пришлось встряхнуть головой – отогнать виденье. Однако отступить я уже не мог. А потому набрался храбрости, и через пару минут мы уже болтали, как старые друзья.

Её звали Вероника. Не имя, а горький миндаль с привкусом мёда. Я, стараясь не проронить ни капли, осторожно попробовал его, повторил про себя и почувствовал, как исходят от него ароматы рыцарского средневековья. И запахи каравелл. И золота инков. Чудное имя для чудной девушки! А разбить его на два – и вот уж пред нами сказка. Стоит взглядеться, и взъерошенный воробушек Вера, сбрасывая пух и перья, обращается гордой царичей Никой.

Признаюсь, давно не встречал я такой милой девушки и столь занятого собеседника. Наверное, я мог бы смотреть на неё вечно и говорить часами. Но ливень закончился, мы обсохли, согрелись, а над головой дамокловым мечом висели нехоти отложенные на вечер дела. Потому-то, как бы ни было жаль, нам пришлось расстаться, дав при этом торжественное обещание, что завтра непременно встретимся вновь. В этом же кафе.

А кафе именовалось «Титаник». Причём, надо заметить, не зря. Оно, и правда, напоминало трюм корабля, в котором оборудован маленький ресторанчик. На стенах висели спасательные круги, а отсутствие окон делало сходство практически идеальным. К тому ж, иногда чудилась (или это я себя так настроил?), что начинаешь слышать шум океанской волны и ощущать качку. Я не преминул в шутку пожаловаться на это неудобство бармену, но тот – с лицом чрезвычайно серьёзным – ответил, что подобное никак невозможно. «Титаник», мол, корабль очень большой и «нам, должно быть, показалось».

Между тем, наши отношения с Верой, – как я на первых порах решил её называть – складывались самым замечательным образом. Нас сближали общие интересы, вкусы, страсти и немалое сходство характеров, но я о ней пока мало что знал. Нет, я выяснил, конечно, что она не замужем (а ей «уже двадцать пять!»), выведал, что она работает менеджером в фирме «купи-продай», а живёт «на Калинина», но я хотел знать намного больше. Потому что, как это не пафосно звучит, я совершенно точно понял: это именно та, единственная девушка, которая мне нужна. Мой шанс, мечта, которую нужно не упустить. Счастье, за которое следует побороться.

И, воспользовавшись первым же удобным поводом, вызвался её проводить. Вот тут-то и выяснилось, что вымышленная качка – далеко не самая главная странность заведения. Ведь дальше вышло куда как интересней. Если не сказать, страшнее.

А началось всё безобидно – с того, что внизу я слегка замешкался. И пока расплачивался и накидывал плащ, она успела подняться по лестнице и выйти. Я поторопился, побежал следом, но, толкнув дверь, остановился, как вкопанный. Вера исчезла!

Улица просматривалась в обе стороны достаточно далеко, народу на ней и вовсе не наблюдалось, так что затеряться в толпе она не могла, да и не успела бы. Получалось, что деться ей некуда. Если, конечно, она быстренько не поймала такси. Но зачем? Ведь не я же испугал её своими пустыми разговорами? Честно говоря, я не знал, что и думать. Оставалась, впрочем, ещё возможность похищения. Я немедленно представил себе, как её – беззащитную – заталкивают в огромный бронированный джип и увозят в неизвестном направлении. А она сопротивляется, взывает о помощи и, пиная злодеев ногами, теряет на асфальте миниатюрную хрустальную туфельку – машинально я даже пошарил взглядом по тротуару. Но и эту идею пришлось отбросить, как фантастическую, потому что на обладательницу миллионов она не походила. А зачем тогда похищать?.. Я потёр подбородок, вытащил мобильник и набрал её номер. Но и здесь меня ждало разочарование – занудный автоответчик равнодушно забубнил о том, что «абонент в сети не зарегистрирован». Тут я вообще перестал что-либо понимать. И немного ещё помёрзнув, – а как назло задул с океана солёный ледяной ветер – поплёлся домой.

На следующий день, обуреваемый самыми противоречивыми чувствами, я всё же снова оказался возле кафе, хотя, прямо скажем, вовсе не надеялся её увидеть. Переминаясь с ноги на ногу, я чуть потоптался перед входом, убеждая себя, что, по всей видимости, ей до ужаса надоел, что её отпугнула моя излишняя назойливость и чрезмерное любопытство. Однако все мои логические построения рассыпались в прах, а опасения улетучились, как роса поутру, едва я переступил порог. Она уже ожидала меня. И, как ни в чём не бывало, сидела за тем же, облюбованным нами столиком.

– Здравствуйте, Вера! – не дав ей и рта раскрыть, горячо заговорил я. – Как вы меня вчера напугали! Уж и не ожидал вас увидеть! Чего я только не напридумывал... Выхожу на улицу, а вас и следа...

– Меня?! – неподдельно возмущившись, перебила она. – Да это я прождала вас вчера минут десять на холодном ветру. Замёрзла, хоть обратно иди... А вы!..

От негодования она не нашлась чем завершить фразу.

– Подождите, – проговорил я, отказываясь верить своим ушам, и уже не понимая: рада она мне или нет. – Но ведь это вы убежали не попрощавшись! И сейчас я должен...

Ожидая её объяснений, я замолчал, но Ника ничего не ответила. Лишь улыбнулась и махнула рукой. В общем, история выходила невнятная. Да только желания начинать знакомство со скандала и недоразумений ни у меня, ни у неё не возникло. Поэтому я тоже промолчал, думая вернуться к нашему разговору попозже, откашлявшись, попросил прощения, и эпизод мы замаяли.

Болтая о всяких пустяках, мы великолепно провели время. Но, в конце концов, она засобиравшись домой, а я, с внезапно нахлынувшей тревогой, вновь надумал её проводить. В сей раз я действовал осмотрительно. И решил идти впереди. Однако и это не помогло. Потому что едва приоткрытая дверь словно взбесилась. Изогнувшись и затрепетав, она неожиданно выскользнула из моих пальцев, вытолкнула меня наружу и с треском захлопнулась, здорово хватив меня по ноге.

– А, дьявол! – в сердцах бросил я, рывком распахнул коварную препопу и ворвался внутрь. Но было поздно. Кафе обезлюдело; посетители, словно испарились, и вместе с ними пропала Вера.

Что тут было думать? Как понимать? Разумного объяснения у меня не находилось, а все попытки отыскать в происходящем хоть какой-либо смысл, оканчивались провалом. И упорно отсылали в область самой непредсказуемой мистики. Не спятил я, видимо, лишь оттого, что вовремя обнаружил – зал не совсем пуст. И в глубине его, над стойкой возвышается сутулая фигура бармена, рассматривающего свет лампы сквозь оранжевое стекло бокала.

– Простите, – прохрипел я, подходя поближе и чувствуя, как пересохло во рту и язык прилипает к нёбу, – не могли бы вы мне подсказать, куда делась девушка, с которой я только что пил тут кофе? Вон за тем столиком?

Бармен оторвался от своего зрелища, несколько театральным жестом отвёл руку с бокалом в сторону и уставился на меня.

– «Только что» – сильно сказано, сэр, – промолвил он. – Но подсказать могу. Она вышла следом за вами.

Говорил он довольно церемонно, но с явной издёвкой, и я ощутил, что внутри меня закипает холодная злость. Мне стало абсолютно ясно, что этот тип что-то недоговаривает. Но рассказывать не хочет.

– Эй, парень, – наклонился я к нему, – мне совершенно по фиг всё, что тут у вас происходит. Но мне нужна девушка. Понял? И в том случае, если я её не найду, то непременно вернусь и разнесу вашу лавочку к этой матери.

Однако бармен и глазом не повёл. Терпеливо выслушав мою гневную тираду, он, в свою очередь, склонился ко мне и, понизив голос, глухо проговорил:

– Хотите знать правду? – Я кивнул. – Тогда не поленитесь прийти завтра.

И, выпрямившись, с непроницаемым лицом, принялся с яростью натирать и без того блестящую стойку.

Что ожидал я увидеть на следующий день? – не знаю. Видимо, что-то значительное, но всё померкло и обернулось никчёмным пустяком в тот момент, когда я опять увидел её.

– Привет, Ника, – сказал я, входя.

– Привет, – эхом откликнулась она.

– Тебе что-нибудь заказать?

Мне вдруг захотелось украсить наш стол свечами – потрескивающими и оплывающими в тусклых бронзовых канделябрах. И наполнить фужеры старым красным вином.

– Будем пировать? – улыбнулась Вера, услышав моё предложение.

– Конечно, будем! – бодро ответил я, воодушевлённый тем, что наши желания совпадают.

– Но сначала хотелось бы что-нибудь прояснить, – перебила меня она.

В её голосе послышался металл, который заставил меня оторваться и от меню и от своих грёз. Потянуло сыростью, ночью, туманом. Не птишка лесная и не властная королева восседали сейчас передо мной. А самая настоящая ведьма! Невыразимо прекрасная, разъярённая, и желающая докопаться до правды.

– Да! – воскликнула она, скомкав салфетку, – очень хочется разобраться!

– Конечно, – проговорил я мягко, несколько напуганный новой метаморфозой. – А для начала – восстановим события. Вот смотри... по порядку. Сейчас семь вечера. Вчера в это время...

– Нет, – жёстко промолвила Вероника, – сейчас девять.

Мы глянули друг на друга. Потом, одновременно, на громоздкие напольные часы, стоявшие в углу. Они показывали половину восьмого.

– Отлично, – буркнул я, впрочем, ничего отличного не замечая. – Продолжим?

Она кивнула. Наши руки непроизвольно потянулись навстречу и соприкоснулись на середине стола.

– Сегодня двенадцатое мая, – произнесла Вера.

Она уже не хмурилась. Она размышляла.

– Восемнадцатое, – ответил я.

– А?... её вопрос повис в воздухе.

– Две тысячи седьмой.

– Двенадцатый. Две тысячи двенадцатый.

Право слово, наш диалог напоминал разговор сумасшедших. Или, на крайний случай, сценку из театра абсурда. Она стиснула мою ладонь так, что побелели пальцы.

– Вера, – проговорил я, придвинувшись настолько близко, насколько позволял стол, – что же это такое? Какой-то эксперимент? Кто-то построил машину времени, а мы в этой лаборатории – подопытные кролики?

– Хомячки, – обронила Вера. – Белые крысы.

– Ну да, – согласился я. – Хомячки. Но мне всё равно. Главное – то, что я не хочу тебя потерять. А остальное – ерунда. И не важно, что мы не совпадаем по времени. Подумаешь, пять лет. Всё ж, не пятьдесят. Давай найдём друг друга там, – я качнул головой в сторону, указал на стену, – отыщем в реальности... Где ты была в две тыщи седьмом?

– А вдруг ты приедешь ко мне... там... тогда... А я тебя не узнаю?..

И здесь, в это мгновение, когда я осознал, что она может запросто ускользнуть в другой мир, просто выйти и не вернуться, потому что затеряется там навсегда, я ужаснулся. И мне стало глубоко наплевать на то, что мною, возможно, манипулируют. И сейчас наблюдают, как я, подобно крысе, бегу по стеклянному лабиринту, стремясь на запах сыра. Даже если это действительно так. И всё подстроено. И «сыр» – это нарочно подосланная ко мне девушка.

Но она, по-моему, опасалась того же. Потому что внезапно отпрянула, правда, не убрав рук, и пристально посмотрела мне в глаза. Мне показалось, что вопрос: не актёр ли я? – уже готов сорваться с её уст. Но сказала она совсем другое.

– Я живу в Питере.

Она проговорила так тихо, что я едва прочитал по губам.

– Владивосток, – ответил я и потянулся за паспортом.

Вера взяла его, осторожно, как древний манускрипт, развернула, но посмотрела не на прописку, а на фотографию и, если не ошибаюсь, на семейное положение.

– А, может... попробуем выйти? – с некоторым колебанием, предложил я, решив, что пора расставить точки над i.

– А почему бы и нет? – с вызовом, обращённым к неизвестности, отозвалась она. – Только постараемся вместе...

Я встал, обошёл вокруг стола, приблизился к ней и, почти обнявшись, мы пошли вверх.

Дверь и не думала сопротивляться. Она отворилась легко и бесшумно. И нам открылась широкая залитая солнцем площадь, за которой, обрамлённое белоснежным мраморным парапетом, сверкало южное бирюзовое море. Да!.. От дома я находился, пожалуй, очень и очень далеко. Владивостоком и не пахло. Море у нас унылое, серое, можно сказать, стальное. А здесь...

– Господи, – прошептала Вера, вцепившись в меня, – где мы?

– А что, это не Питер? – беззаботно бросил я, поймав себя на мысли, что этой незатейливой шуткой пытаюсь не столько успокоить Веру, сколько унять собственную нервную дрожь.

– И близко не Питер, – сказала Вера. – Не город на Неве. Глянь-ка.

И я увидел. Курортники в шортах и сандалиях, с лапами под мышкой весёлой гурьбой двигались к зданию морского вокзала, на фронтоне которого большими пластиковыми буквами значилось: «Сочи. Добро пожаловать». А под вывеской мерцало зелёным пульсом табло с цифрами: «15.40.– 21.08.2015».

– А, чёрт! – я всплеснул руками. – Олимпиада уже прошла. Кто ж победил?

И покосился на дверь, пока никуда не убежавшую и всё так же находящуюся за спиной.

– Тут такое твориться, а ты... – несмело, как бы засомневавшись в том, что имеет право меня укорять, заметила Вера. И, чуть помедлив, обратив внимание на мой взгляд, добавила: – Вернёмся?

– Вернёмся, – согласился я.

И, попятившись, мы возвратились в кафе.

– Ну, что будем делать? – риторически обронил я, когда мы вновь уселись за свой излюбленный столик – около заброшенного в лето камина.

Она пожала плечами. Однако движение это отдавало, скорее, не равнодушием, а некоторым отчаянием. И я, не собираясь её более томить, приготовился пересказать ей вчерашний разговор с барменом. И о том, что сегодня он обещал мне великие чудеса и раскрытие всех тайн.

Но мне не дали. Потому что из боковой двери выбежал матрос в порванной тельняшке и с надрывом в голосе, завопил:

– Hurry up! Hurry up! Everybody to the deck! We are sinking!

И, топая башмаками, скрылся.

– Он кричит, что мы тонем. И нужно скорее выходить на палубу, – вскочив на ноги, перевела Вера.

Народ, сидевший в ресторане, в панике ринулся в боковые двери. Возникла давка. Но мы не стали бежать. А медленно, опять держась за руки, пошли следом за остальными. Я, не отрываясь, смотрел в её глаза. Она – в мои. Мы боялись расстаться. И, не думая спешить, поднялись наверх – на палубу огромного корабля. Повсюду метались люди. Везде мелькали искаженные страхом лица, слышались стоны и крики. Какой-то человек в форме, возможно, помощник капитана торопливо приблизился к нам и, коснувшись пальцами козырька фуражки, с волнением проговорил:

– I really am very sorry, but you have to do something. «Titanic» is sinking! Iceberg...

И, взмахнув как-то неопределённо рукой, зашпешил прочь, сквозь толпу.

Фраза в переводе не нуждалась, но мы не стронулись с места. Наверное, у нас ещё оставался шанс на спасение – в том случае если бы устремились обратно в кафе, а оттуда на улицу – каждый в своё время и место. Но мы не воспользовались лазейкой. Потому что не хотели друг друга терять. И стояли обнявшись, наперекор стихии не замечая и не слыша ничего вокруг.

И здесь я заметил бармена. Он протискивался сквозь напирющую толпу, отрешённо поглядывая то в темнеющие небеса, то на неотвратимо надвигающуюся громаду айсберга. Обнаружив нас, он улыбнулся, приблизился и закричал, перекрывая шум:

– Хотите – верьте, хотите – нет, но всё это, – его взгляд совершил круг, – не более чем шутка природы. Она играет с нами. Делает то, что хочет. И то, что нужно. Айсберг и наше кафе – звенья одной, непостижимой для нас цепи. Вот вы, – он глянул на Веронику, – вы всегда хотели, чтобы рядом с вами был человек, на которого можно положиться, как на самого себя. Чтобы разделить с ним ношу жизни, и которого не страшно любить. Так вот он, берите, – бармен ткнул в меня пальцем. – А вы? – он уже обращался ко мне. – Сколько лет вы мечтали о девушке, которая стала бы для вас больше чем подругой и больше, чем женой? Которая стала бы для вас всем?.. Но вы бы не встретились никогда. Так как разделены временем и пространством. И тогда вмещалась природа. И создала перекрёсток. Для таких, как вы. И соединила вас. Потому что она всесильна, и ей подвластно всё. Не бойтесь. Ничего не подстроено. Всё настоящее. И помните: «есть многое на свете, о, друг Горацио...»

И, оборвав себя на полуслове, быстро ушёл.

То ли дождь, то ли морские брызги хлестали нас по лицу, ветер пытался сбить с ног, но я только крепче прижимал Веру к себе, пытаюсь оградить от стихии и от толкавших нас людей. Мы не сделали не малейшей попытки найти шлюпки или, хотя бы, очередь к ним. И, скорее всего, так бы и погибли, но...

Ветер внезапно утих, только что бушевавший дождь прекратился, заурчали какие-то вентиляторы, высушивая одежду и намокшие волосы. Часть людей исчезла, словно призраки на рассвете, и мы увидели, что стоим в широком, ярко освещённом коридоре.

– Дамы и господа, – мягкий женский голос донёсся откуда-то сверху, – командир корабля и экипаж благодарят всех, кто принял участие нашей инсценировке. Теперь вы знаете, какая ужасная участь постигла одноимённый корабль в те далёкие годы. К счастью, сейчас подобное совершенно невозможно, и мы рады вновь приветствовать вас на борту круизного лайнера «Титаник» компании «Космос-Экспресс». Пройдите, пожалуйста, на свои места и пристегните ремни. Через десять минут мы совершаем посадку в космопорте Красногорска. На планете Марс. Спасибо.

Я и Ника ничего более понять не пытались. Лента транспортёра вынесла нас в салон, где поджидали свободные кресла. Мы уселись и пристегнулись.

И тогда я заметил часы, которые показывали новое и абсолютно точное время.

Теперь самое точное и уже навсегда. 10 часов утра. 18 ноября. 2220 год.

2008

Мгла

– Но-о, поехали!

Квидер легко вскочил в повозку, радостно улыбнулся, что-то прокричал, и мы тронулись в путь. Сначала – по стадиону; а там – в арку; а потом и дальше – всё вперёд и вперёд – навстречу солнцу, лету и празднику. Можно было расслабиться, ничего не делать, а только наслаждаться жизнью. Потому что мы победили. Ну, а ещё оттого, что места красивые и погода отличная.

Вот тогда я первый раз его и увидел. Он стоял на обочине, почти по щиколотку в рыжеватой пыли и смотрел нам вслед красными немигающими глазами. Никогда б не подумал, что он – дракон! Так, чуть странноватый сутулый парень. Примерно нашего возраста. И всё.

Впрочем, откуда б мне тогда и сообразить, что он из драконов? Я их только по визору и видел. Не считая тех, что в комиксах. Но там – на дешёвых желтоватых пластинках с вечно заедающими сенсорами, из лавки старого Джо, драконов рисовали огромными, злыми, шипастыми. И извергающими огонь. А этот – на обочине – ну какой с него дракон? Пацан, как пацан...

На следующий день он появился у кромки поля, где мы бились с «центральными». Счёт складывался не в нашу пользу, матч близился к концу. И заметил я его, верно, лишь потому, что иногда оглядывался по сторонам – надеялся, что придёт Ленка. И когда она всё же пришла – красивая невозможно – я воодушевился, совершил резкий рывок по правому краю, сходу прошёл двух «центровых» и сделал передачу в штрафную. Низом подал, технично. А там вездесущий Квидер подставил в прыжке голову. Классно получилось. На уровне.

Мы ликовали. Ничья давала нам право на полуфинал. Жалко, что все деньги растратжирили ещё прошлый раз, оттого обошлись без пикника. Похлопали друг друга по плечу, и – по домам.

Ленка стояла в стороне. Делая вид, что не ко мне пришла, а так – погулять. Подышать воздухом. Я тоже не хотел показывать, что мы вместе. И потому подошёл сперва к красноглазому, решив посмотреть, что за птица.

Он переминался с ноги на ногу, глядел исподлобья. Но взгляда не отводил.

– Новенький? – миролюбиво проговорил я, перекидывая бутсы через плечо.

– Ага, новенький, – кивнул тот.

– И откуда к нам?

– Из округа. Буду в вашей школе учиться. Мои родители... приёмные... переехали. И вот...

– Меня зовут Костя. – Я протянул руку. – Но кличут «Скоба». Назовёшь – не обижусь. Это от фамилии.

– А я – Пит. И я – дракон.

Буднично так сказал. Как признался, что у него веснушки. Но меня словно кипятком окатили. Ох, мама! Вот отчего не мигает! И зрачки... Я почти испугался. Только вида не подал. Сдержался.

– Ладно, – буркнул я, – дракон, так дракон. Ничего особого. Был бы человек хороший... То есть...

Сообразив, что ляпнул глупость, я поморщился.

– Ничего, – улыбнулся Пит. – Всё в порядке. Я привык.

И протянул руку в ответ.

Так мы познакомились. А вечером, за ужином, между вторым и десертом, я рассказал о драконе родителям.

– Надо же! – проговорил отец. – В нашей глухомани... Как его занесло?

Он даже вилку отложил.

– У него приёмные родители – люди, – объяснил я. – Переехали.

– А... Ну да... – задумчиво проронил отец. – Галактическая война – не шутка. Разбросало народ. И наших и не наших. По всему космосу. Ты с ним поаккуратней. Не обижай. Он один, а вас много. Обидеть чужого – много ума не надо.

– А с чего мне его обижать? – Я пожал плечами. – Он нормальный. И не очень-то отличается. Глаза красные. А так...

Он, и правда, оказался нормальным, вполне своим парнем. И мы сдружились.

Что объединяло нас вместе? Что делало нас друзьями? Сложно сказать. Тут вопрос, как говорить, риторический. И даже не о Пите разговор. Вот взять, например, Квидера. Ну да, мы вместе играли в футбол, но не с ним же одним! Были и другие. А сошёлся я единственно с «белобрысым». Несмотря на то, что он сочинял стихи, а я смотрел в микроскоп.

Или, скажем, Ленка... Она мне нравилась. Я, пожалуй, был влюблён в неё. Но отчего – в неё? У нас девчонки и покруче попадались. Когда же в нашей компании появился Пит, то и вовсе всё позапуталось. Что между нами могло быть общего? Я – душа нараспашку, а он – замкнут, весь «в себе». И вообще, не человек даже. А, как бы вежливей сказать, гуманоид из другой галактики. В конце концов я решил, что общее между нами то, что мы «белые вороны». Не «массовка». И строем ходить не будем. Хоть нас режь!

Тем временем, до конца каникул оставалась ещё неделя. Конечно, неплохо было бы позаниматься, освежить в памяти кой-какие науки (как советовала ехидная совесть), но, честно говоря, не хотелось. Поэтому с утра я заходил к Ленке и вместе (держась за руки!) мы шли к Питу. А потом – уже втроём – двигались в кино. Или в парк. Или просто бродили по улицам и болтали о том о сём. Иногда к нам присоединялся Квидер. Но – именно – иногда. Он жил за рекой, а оттуда не сильно накатаешься. Но когда изредка Квидер всё же приезжал, мы шли за Старые Ангары, где оставались никем не убранные, поросшие травой развалины Десяти Штабов. С последней войны – против драконов. И, надо сказать, никакой луна-парк этому месту и в подмётки не годился! Играть там можно было в кого угодно – хоть в разведчиков, хоть в кладоискателей, хоть в пиратов.

А как-то мы привели туда Пита. Показать наше место. Да только ничего у нас не вышло. Потому что он враз заявил, что его, видите ли, «от развалин тошнит». И он там себя «плохо чувствует». И ещё что-то в этом духе. Сказал правдоподобно и, надо заметить, почти правду. Почти! Но я, как будущий биолог, вмиг понял, что это правда не вся. Развалины, не развалины – дело десятое. Главное – что он дракон. Посмотрит сейчас на то, что его сородичи тут натворили, расстроиться и – гормональный всплеск! А что с драконами при этом бывает – лучше и не думать. Так что больше мы его туда не таскали...

В один из погожих вечеров мы сидели на лавочке в самом центре. Возле кафе «Север». Ленка пила кофе. Квидер направился за мороженым. А мы с Питом шурили на солнышко и трепались.

– Слушай, Пит, – сказал я, – а ты куда после школы? Я, вот думаю, на биологический. В университет. Матушка твердит, не переставая: у меня к биологии склонность. Да я и сам вижу.

– В Белогорск?

– Ну да, – кивнул я. – А куда ещё?..

– Будешь изучать драконов, как чуждый людям биологический объект? – Пит коротко хохотнул.

– Не плети, – беззлобно проронил я. – Ты о себе скажи. Что после? Закончим мы школу, и?..

– Я в страну Драконию подамся. На Капеллу. Поближе к родным местам.

– О! А что так? – не понял я. – Тебя что, наше образование не устраивает?

– Не в этом дело, – откликнулся Пит. – Мне тут учиться не дадут. Всегда буду на вторых ролях. А там – я свой. Такой же, как все.

– Не уверен, что ты прав... – начал я.

Однако продолжить он мне не позволил.

– Я всё лето подрабатывал. На билет собирал. И только в морг и устроился. Не потому что мне на мёртвых людей приятней смотреть, чем на живых. А потому что на работу не брали. Никуда. Понимаешь?! Ни в официанты, ни в курьеры, ни в продавцы. А, господин дракон?.. Отлично. Зайдите завтра. А завтра...

Он махнул рукой.

– Но есть же указ, – не поверил я.

– Есть, – покивал Пит. – И этот указ я могу засунуть себе... куда угодно. Скажем, в мою огнедышащую пасть, как один выразился, стоило мне отвернуться.

Я посмотрел на Пита – он не врал. И не преувеличивал. Короче, неприятный трёп у нас вышел. Настроения мне не прибавил.

А ещё мы проиграли финал чемпионата. Обидно проиграли. По пенальти. Ленка и Пит утешали нас с Квидером как могли. Но у них мало что получалось.

И тут, как-то неожиданно, кончилось лето. Пришлось вновь собирать портфель. И двигаться в школу.

Я сел за одну парту с Квидером. Ленка сзади – с отличницей Татьяной. А Питу досталось место с ещё одной новенькой, с Деборой. Ничего не хочу сказать, красивая та оказалась девчонка, но не в моём вкусе. Вся приглаженная, причесанная, а, кроме того, глазастая, и ноги от ушей. Такие, по-моему, для обложки журнала хороши. А не для реальной жизни. Но Питу Дебора приглянулась. И когда она вошла в класс, он уставился на неё во все глаза. Хоть отклеивай. Я лишь головой покачал – дело не моё. Хочет – пусть пялится. Сколько его драконьей душе угодно.

Когда начались занятия, выяснилось, что Пит – ещё тот «заучка». Формулы от него отлетали – только держись. Проблемы возникли в другом. Одноклассники сторонились его, тарасились как-то с напряжением. Зыркнул и отвернуться. Как стесняются. И учителя туда же. Прямо – заговор! А потом в школу появился родич Рыжего и о чём-то долго беседовал с директором. Про что они там тёрли, сам Рыжий и два его подпевалы – Дабл и Векша – нам после занятий выложили. Похвастались. Оказывается, разговор шёл о Пите. Что, мол, негоже в класс с обычными детьми засовывать дракона. Оно ведь, «драконье семья» сейчас безопасно. А после нам тут всем тошно станет. И Пит, как подрастёт, нас всех со света сживёт. Вот так. Ни много ни мало. Послушали мы это, посмеялись, обозвали обоих Рыжих – и старого, и малого – «уродами», и забыли. Однако дело на том не кончилось.

Буквально назавтра на перемене мне встретился Дабл. И явно не случайно. Потому что, едва высмотрев, схватил за рукав и оттянул к стене. Мне даже интересно стало: ведь неспроста! А, кроме того, я на всякий случай руки из карманов вытащил. Вдруг придётся кулаками махать. Однако до драки не дошло. Дабл был настроен миролюбиво.

– Здорово, Скоба, – пробасил он.

– Здорово, – ответил я. – Виделись.

– Ты вот что, Скоба, – заговорил Дабл сбивчиво, словно волнуясь, – мы тут подумали... ты не думай, что мы что-то против тебя имеем, но знаешь...

– Да я до черта чего знаю, – перебил я. – Давай не мямли. Договаривай.

– И договорю, – обиженно буркнул Дабл. – Я с тобой, как с товарищем, а ты...

«Альдебаранский козёл» тебе товарищ, – чуть не сказал я вслух.

– Ты Скоба – спортсмен, футболист и всё такое, – не заметив моё недовольное лицо, продолжил Дабл. – Короче – чел авторитетный. А дружбу водишь с этим хвостатым. Не хорошо это, Скоба. Меня просили передать: авторитет теряешь.

– Видишь ли, Дабл.– произнёс я как можно спокойней.– Мне на хрен не убился авторитет среди таких, как ты и Векша. Плевал я на такой авторитет. Как бы не сказать хуже. И пока я не завёлся – отвали.

– Как хочешь, – зло ответил Дабл.– Я предупредил.

– Спасибо за заботу, – начиная свирепеть, проговорил я.– Давай, дуй к своему Рыжему. И передай, что я всё понял.

– Зря ты так, Скоба, – с сожалением в голосе, отходя, проворчал Дабл.– Мы организацию свою создаём. Из нормальных людей. Ты бы нам пригодился. Ты это... не торопись. Мозгами пораскинь. Может, передумаешь. Вступишь к нам.

– Рыжему подхалимов не хватает? – бросил я вслед.

Но Дабл торопливо ушёл, сделав вид, что не расслышал.

Я пересказал разговор Квидеру.

– Козёл он, конечно, – равнодушно заметил тот, слегка поморщившись, – но тут уж ничего не поделаешь. Как говорили древние: сон разума рождает чудовищ. А с другой стороны, понять его можно.

– Почему? – удивился я.

– У него ж батя в самом конце войны погиб. Драконы налетели. И всех – в порошок. В мелкую труху. Он отца так и не увидел. Тогда Даблу всего год был.

– Ясно, – сказал я.– Жаль его отца, спору нет. Но я не об этом. Мне за Пита беспокойно. Эти ж полудурки ему прохода не дадут. Заклюют на фиг.

Квидер вздохнул. Потёр нос.

– И то верно, брат, – он не улыбался.– Заклюют. В два счёта. Если мы не встрянем.

Всю ночь я потом размышлял: что было бы, если, не дай Бог, убили кого-то из моих?.. Как бы я себя вёл? Не оказался бы на месте Дабла? Ощущая при этом, что полностью, стопроцентно прав? И желая давить их, «гадов хвостатых», покуда не подросли?.. Заснул под утро, но ответа не нашёл.

Между тем, обстановка вокруг Пита накалялась. Рыжий и его подручные, в самом деле, организовали какую-то партию, в которую продолжали набирать сподвижников. За нашими спинами шушукались, перемигивались. Для кого-то это было не более чем игрой. Для других...

Чем это обернулось, выяснилось очень скоро – в начале второго семестра.

Прямо перед началом третьей пары мы услышали в коридоре нарастающий шум – гул голосов, выкрики, топот ног. Я сразу заподозрил: вряд ли случилось что-то хорошее. Поэтому поднялся и направился к выходу, чтобы выяснить. Но меня опередили.

Дверь едва не слетела с петель, и в класс вломились Векша и Дабл.

– Ага! – прокричали они хором.– Вот они! Держи!

– Ты, урод, объясни в чём дело? – гаркнул я, надеясь, что они остынут и растолкуют.

Однако я надеялся попусту.

– Сам ты – кретин безмозглый, – запищал Векша.– Твой дружок только что убил Дебору! Её нашли в бассейне. Столкнул кто-то. Ясно, кто! Он!

И указал пальцем на Пита.

Я похолодел. Да как же?! Не может быть! Деби!.. И – мертва!!! Я вдохнул, а выдохнуть забыл. Я лишь увидел, как моя рука тянется к карману – к раскладному ножу. Что я хотел сделать? Не знаю. Кажется, вспороть Векше его тощую шею.

Однако следом уже напирала толпа, что заставило меня собраться, привести себя в чувство. Я увидел, что в аудиторию вбегает запыхавшийся Квидер. Услышал, что он расталкивает людей и что было мочи орёт о том, что «это неправда»; и что он «всё видел»; и что вовсе «не Пит убил Деби», а, наоборот, они – Векша и Дабл.

Но на него не обращали внимания. Никто! И тут до меня дошло. Я понял, что его никто не слышит, потому что услышать не хотят. И его правда им не нужна. Они жаждут, чтобы виновным обязательно стал дракон, и сейчас началось то, что так долго готовилось. Они убили девчонку, которая осмелилась ответить взаимностью влюблённому в неё дракону. А потом свалили всё на него. Подстрелили двух зайцев.

Я оглянулся на Пита. Он не двигался. Он словно окаменел. Не кричал от горя, не оправдывался, не пытался бежать.

И тогда я подхватил стул и швырнул в окно. Остаться на месте, означало подписать себе смертный приговор. Всё равно, что повеситься. Пит не сопротивлялся, но и не помогал. И под звон разбивающегося стекла, мы сиганули вниз.

План созрел мигом. Главное – добежать до развалин. Там – в лабиринтах Десяти Штабов мы сможем укрыться, обдуматься; короче, спастись.

А после, когда страсти улягутся и линчеватели угомонятся, можно будет сдаваться полиции. Тем более, что свидетель (того, как всё случилось на самом деле) у нас есть.

И, не разбирая дороги, мы помчались к Ангарам. Толпа, очевидно не нашедшая пока себе вожака, замешкалась. Что дало нам небольшую фору. Однако почти мгновенно я понял, что спрятаться нам не удастся. Следы! Выпавший за ночь снег выдавал нас. А это означало, что придётся драться.

Оглянувшись, я увидел, что Квидер и Ленка бегут следом. Верный друг, Квидер, спасибо тебе! Без тебя, возможно, не обойтись. А вот Ленка! Она-то куда? Не хватает ещё чтобы и её...

Я не стал додумывать до конца. Из суеверия. Пока не подумал – не произойдёт. А Квидер уже распоряжался.

– Вот здесь – самый узкий участок, – говорил он. – Займём оборону. Будем стоять насмерть, как триста спартанцев. А там, глядишь, и полиция подоспеет.

Вряд ли он сам верил в то, что нам на помощь придёт полиция. И я не верил. Но отступить не мог. Ведь мы собирались отстаивать правое дело. И рядом были мои друзья – отважный до безрассудства Квидер. И оглушённый от потери Деборы Пит. И она – Ленка – самая лучшая девушка в мире.

И, схватив обломок доски, я встретил нападавших. Пит, наконец, опомнился и вступил в драку. Квидер отбивался палкой. А Ленка отмахивалась от нападавших огромным железным штырём. Я видел, как ей страшно. Как она зажмуривает глаза. Но она не бежала.

– Валькирия! – восхищённо воскликнул Квидер.

Я не знал, кто такая «валькирия». Я знал другое: когда белобрысый шутит – дела плохи. И значит нам долго не продержаться, так как нас просто растопчут. Так же, видимо, думал и Квидер.

– Лена, вызывай полицию! – прокричал он.

– Я фонос потеряла! – услышал я.

– Так беги!

– Держи мой! – Пит ухитрился передать ей аппарат.

Я заскрежетал зубами (не место ей здесь!), а Ленка, отбежав за наши спины, принялась судорожно набирать номер.

– Пит! Пит! – выкрикнула она вдруг. – Тут твоя мама звонит. Что? – она поднесла фонос к уху; картинка, едва видимым миражом, трепетала в воздухе, – Пит! – в голосе Лены зазвучал ужас. – Они подожгли дом твоих родителей! Ой!

Камень, брошенный со стены, попал ей в колено. Ленка упала, схватилась за ногу, выронила аппарат. И тогда случилось то, что должно было случиться. Роковая цепочка срослась воедино: внешние раздражители – гормоны – модифицирующий ген и – метаморфоза!

Произошло то, что в учебнике мудрёно и туманно именовалось «атавитарной регенерацией».

За спиной Пита распахнулись широкие кожистые крылья. С громким хлопком они сомкнулись над его головой; взметнув клочья снега, опустились... И он взлетел в воздух. Я разглядел, как изменился его облик. Руки и лицо покрыла зелёная чешуя, на затылке вырос сверкающий в закате рубиновый гребень.

Всё произошло мгновенно. Легко взмыв над стенами, он обрушил на наших врагов сноп огня. Толпа отпрянула, многие закорчились от ожогов. Остальные бросились наутёк. А дракон, сделав над полем битвы пару кругов, помчался прочь, словно раздвигая крыльями наступающий сумрак.

Я не заметил, как опустилось за горизонт солнце и взошла луна. Наверное, мы долго не могли опомниться. В свете одинокого фонаря я увидел, что Квидер стоит на груде битых кирпичей и бессмысленно смотрит в пространство; Лена, обернув ноги разорванной юбкой, сидит на земле и грязными окровавленными ладонями растирает по щекам слёзы.

Становилось холодно. Я подошёл, укрыл Лену своей курткой.

Где сейчас находился Пит? Спас ли он родителей? Спасся ли сам? Я задрал голову и посмотрел вверх. Мне отчего-то подумалось, что я смогу увидеть своего друга, летящим на фоне луны – как на картинке, где на фоне жёлтого диска летит на помеле ведьма.

Но ни черта я не увидел. Потому что со стороны реки на город напознала тяжёлая рваная мгла.

2011

Всему своё время

Тоска кромешная, беспросветная. Ни общества, ни развлечений! Дамы – только полусвета, театр... Ох-хо-хо... Глупо вышло, глупо! Пропал ни за понюшку табака! И всё через Олонецкого клятого! Эх, твою артиллерию! – как говаривают гарнизонные. Одна потеха и осталась – с Христичем в преферанс.

Скобелев встал с кушетки, потянулся, подошёл к прокопченному свечкой окну. В Петербурге уже весна – деревья в цвету, а тут лёд по рекам. И лёд – чтоб ему пусто! – не голубой, прозрачный, отражающий небо, а матовый, серый. И отчего-то шершавый – кони спотыкаются.

Про коней ротмистр, конечно, загнул, но обстановка в Новоенисейске, и в самом деле, оставляла желать много лучшего. Городок – временное прибежище каторжан и ссыльных – представлял собой жалкое зрелище. Из всех достопримечательностей была в нём тюрьма; из всех забав – переезжий балаган с фигляром Колобовым во главе; из всех «австерий» – лишь грязный кабак с откормленными тараканами, во всякую пору пьяным хозяином и, с весьма подходящим, по мнению Скобелева, названием: «Два поросёнка». Вот и выбирай: либо с Христичем в карты, либо в петлю с тоски...

Дверь скрипнула, отворилась.

– Батюшка, Христофор Алексанч! Христом Богом! Спасайте! Христом Богом молю!

– Что?!! – Скобелев обернулся.

– Нежель всенепременно? Всенепременно должны мы от сего человека столь сокрушений претерпевать? Что глаза наши уж третий час от слёз не отсыхают?

– Как тебя? Никанор? – строго перебил причитания кабатчика ротмистр.

– Никифор я. Никифором нарекли, а...

– Так от кого «претерпевать»? Господин поручик буянить изволят?

– Никак нет-с! Андрей Николаич в нумере своём. Почивают-с.

– Так кто?!! – рявкнул Скобелев. Терпение его, и без того не беспредельное, стремительно иссякало.

– Кричит! Безо всякой причины! Посуду бьёт, стулья метает! И выговаривает самыми грубыми, самыми жестокими словесами! Как разбойников! Как убийцев!.. И в прочем...

Сие бессвязное лопотание Скобелев прервал самым решительным образом – сделал шаг вперёд, схватил Никифора за грудки и резко встряхнул.

– Так кто кричит-то?

– Колобов.

– Колобов??? – Скобелев не поверил ушам.. Тишайший балаганщик никак не виделся ему в роли неистового Роланда во хмелю, способного на пьяный *debauche*.

– Он! Он! – Никифор торопливо закрестился, но Скобелев уж на него не смотрел.

Накинув шинель, он вышел из комнаты и зашпешил по лестнице.

– Я – в трактир. А ты за господином поручиком беги. Скажи – я просил.

Прошлёпав десяток шагов по лужам, ротмистр толкнул дверь в кабак. Внутри было тихо. Колобов никакого сходства с персонажем Ариосто не проявлял, а сидел смирно, обхватив голову руками.

Рыхлый, дрожащий свет катился в углы трактира от одинокой лампы, валялось на полу пару стульев, чернела под ногами лужа вина...

– Что ж ты, братец, учинил тут? – Скобелев подошёл ближе, поднял один из стульев, уселся напротив.

В ответ на сию сентенцию балаганщик вскинул к ротмистрову челу мутный взор и едва слышно пролепетал:

– Грех...

И умолк снова.

– Тьфу ты! Твою мортиру в лафет! – гаркнул в сердцах Скобелев.

Грозный рык ротмистра подействовал вернее. Мыслительные процессы ускорил.

– Я ж и говорю! – испуганно – фальцетом – вскричал Колобов. – Не извольте сердиться! Я сам себя!.. Сам себя ненавижу.

– Эй! Эй! Братец, – проговорил тут ротмистр, заметив, что балаганщик вновь готов впасть в сомнамбулические грёзы.

– Грех великий! Грех великий на мне! Продай! За тридцать сребреников продай! – зачистил тут Колобов, не дожидаясь нового окрика. – Всех продай! Мерзавец я, Христофор Алексанч, как есть – мерзавец! И креста на мне нет!

– Да кого ж?

– Лилипутов своих, пигмеев, собаку говорящую... Даже Ариадну бородатую! И то...

– Как продай? Кому?

– Так и продай! Петерсону, колбасная его душа! А он их в телегу... и за реку!..

Колобов всхлипнул и завыл в голос.

Дверь хлопнула. Быстрым шагом вошёл в трактир Христич. Никифор, озираясь, семенил следом.

– Что тут? – бросил поручик, осмотревшись.

Скобелев пересказал.

– Скверно! – крикнул Христич. – Что делать будем?

– И я говорю... – подал голос кабатчик. – Ущербу нанёс мне...

– Да ты помолчи! – одёрнул Христич кабатчика. – Вернут тебе твой ущерб. Он не вернёт – я верну. Со шведом что делать будем?

– Он англичанин, кажется, – произнёс Скобелев. – Хотя, какая, к дьяволу, разница!.. Да что? Выручать карлов надо! Знаешь: куда увёз-то?

Он обернулся к Колобову. Тот закивал, замычал что-то, вскочил на ноги и резво бросился к двери. А Скобелев и Христич – за ним. Оставив Никифора в тяжких сомнениях относительно возмещения убытков...

Офицерские кони шли полной метью, колобовская сивка, привыкшая более к цирковому хэрни, едва за ними поспевала, сбивалась с рыси на иноходь и поминутно проваливалась в снег. Уверенный санный путь уходил к новенькому свежеструганному мосту, а от него – за Енисей. Впрочем, в полчаса добрались.

– Так вот он – дом подсюкупный, злодейский! – сказал Христич, спешиваясь; отходя под неверную защиту редких берёзок.

Скобелев оценивающе оглядел строение. Дом в два этажа, с мансардой. Зачем? Об этом же думал и поручик.

– На кой чёрт ему тут терем этот?

– Эй, Шапито, – окликнул тогда Скобелев Колобова. – Рассказывай. Всё, что знаешь. Ведь – знаешь!..

– Всё расскажу, – вздохнул балаганщик, – как на духу. Повинную голову... А хоть бы и сёк... Но не думайте, что я умом тронулся, господа! Уверяю!.. Могу и письменный реверс дать, коль угодно. Но призываю: не изумляйтесь!

– Да чтоб тебя!.. – крикнул Скобелев. – Экий ты словоблудный!

– А дело в том, что погубить он их хочет. Зазря души православные со свету сжить! Возраст из них выкачать... Под нуль. И себе в кубышку. А из кубышки той – в ружьё вставить. И им людей убивать.

– Ну и горазд ты врать, Колобов, – перебил Христич. – Какую «кубышку»?

– Так, Колобов, – проговорил ротмистр, – ты ж – грамотный человек. Что ж ты нам Шахерезаду пересказывать вздумал?

– Я не Шахераду, господин ротмистр! – Балаганщик обиженно выпрямился, надул губы. – Я... истинный крест! Да вот, сами гляньте. Он альбомчик свой обронил, а я – в карман... А манкировать мной не надо! Я уж сам себя!..

Скобелев принял из рук Колобова книжицу, раскрыл. Мелким аккуратным почерком было исписано несколько страниц.

– Хорошо, хоть по-русски... А то в датском я как-то не преуспел.

– Читай уж, – улыбнулся Христич.

– Читаю... Уважаемый господин редактор... а, вот отчего по-русски... Это он в журнал... статейку... Посылаю вам... Ага! Вот!.. Время материально... Материально!.. Надо же!.. И выкачав его из живых существ, вполне можно собрать его в ёмкость – особый вид лейденской банки... Так вот зачем ему пигмеи твои... А затем использовать по своему усмотрению. Не представляет так же сложности использование времени в военных целях... Ах ты – гадина!..

– Не отвлекайся, – подал реплику поручик.

– Не отвлекаюсь... Для сего требуется только выпустить дозу времени в солдата неприятеля. Мгновенно постарев, тот погибнет на месте... Дальше читать? Или и так всё ясно?

– Куда уж яснее, – пробурчал Христич. – Опасен гад! Голыми руками не взять.

– И я говорю: опасен, – подал голос Колобов.

– А не голыми руками? – улыбнулся Скобелев, вытаскивая револьвер.

– А не голыми – попробуем! – отозвался поручик.

И тоже помахал в воздухе новеньким кольтом.

Не обнаружив движения в окнах, двинулись к дому.

– Ты, Андрей Николаич, аккуратней, – буркнул Скобелев. – Пульнёт временем – только шелуха полетит.

– И ты поберегись, – отозвался Христич, осторожно пробуя дверь.

– Вот, что обидно, – Скобелев скользнул вдоль стены, – сколь германцев в друзьях, да французов всяких – и все люди, как люди...

– А у меня? – поручик пригнулся, пробежал под окном. – Ты ж Коха знал? Что на Невском? Я к сестре его – к Мари – едва не засватался... А – и засватаюсь! Вот, уляжется всё, вернусь – и сватов!

– Если дождётся...

– Дождётся!.. Окно надо бить...

– Колобов, – позвал ротмистр.

– Здесь я, – балаганщик не заставил себя ждать. Подобрался на четвереньках, заозирался.

– Спину подставь.

Спина балаганщика оказалась вполне подходящим плацдармом. Колобов закричал, выпрямился; ротмистр ухватился за распахнутый ставень и ударом ноги вышиб стекло.

– Ура! – прокричал Христич и – так же, со спины Колобова – устремился вдогонку.

Шум они произвели необычайный: звон разбитого стекла, выстрелы, крики... Но ответного сопротивления не испытали. И, выбежав из комнаты, устремились наверх. Однако путь на мансарду был закрыт. Крепкая дубовая дверь ясно указывала на то, что там – за этой преградой – находится главная цитадель врага. И его «ёмкость», в которой хранится похищенное время.

– Остановитесь, господа, – послышался скрипучий голос. – Ещё шаг... И – не обесчудьте.

– Петерсон, вы в своём уме? – проговорил в ответ Скобелев. – Пугать русских офицеров?.. Есть ли что-либо менее благоразумное?

– Я знаю: вы прочитали мои записки, – услышали они вновь, – и, клянусь!..

– Сдайтесь! – прокричал Христич. – И отпустите несчастных! Тогда мы оставим вам вашу никчёмную жизнь.

– Господа, тут лавка, – Колобов высунулся из-за спины. – Окованная. Коль размахнуться...

Офицеры тихонько спустились по ступенькам, поднялись – уже с лавкой – обратно. Размахиваться было несподручно, негде, но...

– Эх! – выдохнул ротмистр.

– Гром победы, раздавайся! – весело воскликнул Христич.

Не «гром победы», конечно, раздался, а страшный треск; дверь слетела с петель, офицеры ворвались в комнату. Они не обратили внимания на «нечто», прошуршавшее между ними, не увидели Колобова – скорчившегося, потемневшего лицом – упавшего сзади. Они смотрели на Петерсона – оседающего на пол, стареющего на глазах. Предмет в его руках – похожий на наган – не оставлял сомнений: он застрелился.

– Угостил себя временем, – сказал поручик.

– И порция, видать, не малая, – кивнул ротмистр. – Да только сам виноват. Нашёл с кем тягаться – с русскими офицерами.

– Хм... выискал русского, – Христич усмехнулся. – Однако... панславянизм – хоть имя дико, но мне ласкает слух оно! Хорошая фраза, надо одному поэту сказать... Как вернусь...

– Ладно, вернёмся! Ах ты! Сабля моя острая! Колобов! Колобов, голубчик! Да что ж ты!..

Балаганщик был мёртв...

Офицеры переглянулись, покачали головами. Но – что делать? Смерть всегда нехороша... А потому вынесли они тело Колобова, вывели из подвала лилипутов и «бородатую» Ариадну; довели до посёлка...

*

Год спустя весна в Петербурге выдалась совсем ранняя. И хотя задувал ещё с Невы колючий ветер, солнце блистало вовсю. И сердце Христофора Александровича гоняло кровь в такт серенаде Смита из «Пертской красавицы».

– Кабы не Олонецкий, с его глупым пари и не менее глупой дуэлью... – отставной ротмистр посмотрел на доску, двинул пешку вперёд.

– Ну да, – согласился отставной же поручик, кивая заметно поседевшей головой. – Разве дано нам знать: где найдёшь?.. Ты с меня, кстати, пяток лет... тоже... качни... Шаг вам, сударь!

– Это ещё не шаг. Это – шажок. А Мария не сердится, что ты всякий день у меня?

– А что ей сердиться? Она ж знает: у нас business. Хорошо: не знает – с чем связан...

– Точнее: с кем! – заметил Скобелев.

Друзья расхохотались.

А дело их, расцветавшее день ото дня, заключалось в том, что откачивали они из светских красавиц лишние (по их мнению) годы. И возвращали молодость, дабы те могли вновь «блистать». Замыслилось оное предприятие ещё в «полуссылке», как именовали они своё пребывание в Новоенисейске. И поэтому, когда дела об их дуэлях были засунуты глубоко под сукно, – они тут же вернулись, прихватив с собой записки Петерсона и его семиаршинный (в два этажа) аппарат. А по возвращении подали рапорта об отставке.

Христич испросил руки Марии Кох (на что получил ответ благосклонный), а Скобелев купил на заливе большой дом, где и оборудовал свою лабораторию. Что позволило прияте-

лям немедленно начать своё дело. Ведь вышло, что «временные наганы» можно использовать и для обратного процесса!

– Он применял их для смерти, а мы – для жизни. – Христич откинулся в кресле, взял с доски своего короля. – И – заметь! – игры у нас нынче совсем другие!

– Всему своё время, – философически заметил на это Скобелев. – Всему своё время, брат. – Он покосился на реторту с пузырящимся временем. – И его у нас теперь – хоть отбавляй!

2009

Я вернусь

А снег всё шёл, шёл и шёл... И если вчера он только застенчиво целовал редкие незамерзшие лужи, то сегодня с утра осмелел – запорхал стайками и принялся засыпать усадьбу рождественской ватой. Всюду лежал он теперь, растворяя мир в бледной бесплотной нежности – на колючем кустарнике, оплетающем дом, на огромных серых камнях, затейливо разбросанных по парку, и на соснах – пуховиком расстилаясь между стволов. Чудо! Истинное чудо! Так и мнилось: выйдет сейчас на поляну сказочный дед и...

– Вот предстанет пред нами Морозко в своей красной шубе, стукнет волшебным посохом и скажет: загадывайте желание! Что загадаешь? – с нарочитой важностью проговорил он.

– Ой, не знаю, – Загадочные смешинки взлетели из потаённой зелени глаз. – Но мигом придумаю!.. – Она сощурилась. – Нет!.. Это долго!.. Бежим!

Румяная; тоненькая, как стебелёк; засеребрённая инеем, накинувшим невесомую вуаль на длинные ресницы и золотистые пряди, что выбились из-под шапочки... Вот – чудо! Что по сравнению с ней какой-то «сказочный дед»?

– Бежим, – прокричал он.

И они пустились взапуски, останавливаясь лишь для того, чтобы бросить друг в друга снежок, рассыпающийся на лету... А после снова бегали, взбирались на горку, скользили вниз...

Она смеялась: «Кубарем, кубарем! В самый сугроб!» Снег падал ей на лицо, кружился над ними. Он поднял варежку, натянул на тонкие пальцы нетерпеливой птахи-руки. А потом, не удержался, поцеловал её в холодный покрасневший нос.

– Снегу можно, а мне нельзя?

Загадочные смешинки...

– Тебе – можно!

– Что ты загадала? – Его слова всколыхнулись призрачной тенью, лёгким паром рассеялись в алебастровой мгле.

Она тут же стала серьёзной. Взяв его руку, притянула к себе, под тёплый соболий мех, прижала к самому сердцу.

– Ты вернёшься?

Он покивал.

– Я вернусь. Конечно... Самое больше – по весне...

Но война с Персией вышла долгой, очень долгой, едва ли не нескончаемой. А она... Она вышла замуж. За генерала, имени которого он не помнил. А точнее: не хотел вспоминать...

*

– ...а эти племена не поддаются никакому *instrucción*... никакой силе... проповеди... так? Верно я произнёс? Тут миссионеров, я тебе скажу, побывало!.. Ни удобствам европейского обихода, ни явной пользе ремёсел... Не признают никаких выгод, порядка, денег...

– Извини, Луис, о чём ты? Я задумался...

Костёр пытел, ярился. Искры взлетали вверх, цеплялись за плети лиан.

– А, ну их, – пробурчал Луис, прихлопывая очередного здоровенного комара, усевшегося к нему на шею, – сейчас ужинать будем! Чем угостят? Не дай Господь, сызнава обезьяной жареной!..

– Обезьяной, так обезьяной, – Обухов пожал плечами. – Эй, Олонецкий! Где ты?

– Да вон – он. Индианок местных обхаживает, – ухмыльнулся проводник.

– Да, верно... Фёдор Андреич, иди к нам! Обезьяной потчевать будут...

Луис рассмеялся. Передразнил вероятную гримасу Олонецкого. К слову сказать, толковый он был парень – проводник этот. Смышлёный. Всё схватывал на лету. И языку русскому за полгода странствий выучился так, что прибаутками сыпал – любой рязанский обзавидует. «А мне, чем труднее – тем интереснее, – приговаривал Луис в самом начале знакомства, когда Обухов и Олонецкий пытались заговаривать с ним на французском. – По frances я уже... уметь... был тут один из Марсэль... Мы с ним вино в Вальпараизо целый mes... месяц – так? – пробовали... Ха-ха... Так пробовали, что... Не interesante язык... Вот guso!.. Да и похож русо на эспаньол!.. Вот, скажем, ночь – «ноче», день – «диа» и месяц – «месс»...

– А «корро» – «скорей»? – усмехались русские, хлопая его по плечу. Не ошиблись они в Луисе, не зря выбрали в проводники. Ведь помощь от того проистекала неизмеримая. И с местными властями, охочими до подношений, дружбу мог завести, и с индейцами, с коими бегло изъяснялся на миссионерском лингва-жерале. А самое главное – дорогу знал. Так что, почти не петляя, – где пешими, где на утлых лодчонках, а где на лошадях – перемажнули они через Анды и добрались в конце концов до северных пределов Венецуэлы, которую Луис упорно продолжал именовать Новой Гренадой.

Прекрасная это была страна, дивная! Не напрасно получила она своё имя! Речки, озера... поймы – «лянос» и небо! О, небо! – хрупкая бирюза, забрызганная улыбками солнца! Раскинулось она морем-океаном необъятным, словно думая пролиться на землю. И дышала! Дышала итальянским liquoг`ом, окутывала жасминовыми иголками, плескалась прохладой и светом. «Возможно, когда-то здесь находился рай, – думалось иногда Обухову, – но потом Господь выгнал отсюда людей и населил этот мир злобными крокодилами и свирепыми ягуарами. А уж совсем, совсем потом, через много веков – привёл сюда дикарей, которые, скорее всего, не знают греха...» И, думая так, он всякий раз запрокидывал голову, чтобы увидеть как на верхушках деревьев, словно гигантские свечи, важно восседают бело-снежные цапли...

– У них же свиней полно! – Олонецкий подошёл к костру, смахнул золу с сучковатого чурбака, присел. – Отчего ж обезьян-то?... Они уж мне поперёк горла стоят...

– Да шучу я, шучу, – проговорил Обухов, – верно, свинина будет. Или омлет с беконом... А на худой конец, как там, Луис? Пуду? Уэкемуль?

– Да, да, – улыбаясь, откликнулся тот, раскуривая прокопченную трубку. – Пуду – это маленький олень... Лань, да? Уэмуль – больше...

– А!.. – протянул Олонецкий. – Опять ты мне колеру подпустил...

– Вон, – сказал Луис, – местный caudillo идёт. Сейчас у него спросим...

Но вождь (Олонецкий прозвал его «эрлкёниг») выглядел обеспокоенным.

– Коре, коре! – произнёс он скороговоркой, а потом залопотал что-то по-своему, повторяя: «ваукане, ваукане!!!»

– О, diablo! – Луис подскочил. – Уходим! Быстро! Немедля!

– Да, что? Что случилось?! – воскликнул Обухов.

– «Ваукане» – враги! Караупари сейчас нападут – другое племя! У них стрелы с отравой. Лучше – в лес, в сельву... подальше... – От волнения проводник с трудом подбирал слова на чужом языке.

Индейцы заматались: женщины голосили, подхватывали детей; воины, возбуждённо перекликаясь между собой, размахивали луками.

– Педро, Тео! Бежим! – Голос Луиса зазвенел тревожной струной.

Они поднялись, переглянулись...

– Я Кавказ прошёл, – медленно произнёс Обухов. – Под началом самого Тормасова Александра Петровича воевал... И он тоже. – Олонецкий полушутливо поклонился. – Мы

от врага не бегаем... Brustwehr надо сооружать... быстренько... Но тебя, Луис, не принуждаю... Спасайся.

Молодой креол чуть помолчал, а после в отчаянии заломил руки и резко выдохнул.

– Я остаюсь, – твёрдо проговорил он, глядя Обухову в глаза. – И будь, что будет...

Втроём они наскоро накатали брёвен, связали их бечевой и лианами, укрылись, вытащили из сумок пистолеты.

– Заряжай! – скомандовал Олонецкий. – Умеешь?

– Не сумлевайтесь! – озорно выкрикнул креол. – Я к оружейному делу приучен! Лучше спеть да помереть, чем жить да тужить!..

И первая стрела – длинная, троепёрая – просвистела над их головой.

– Не посралим чести русского оружия! – воскликнул Обухов.

– Не посралим! – эхом откликнулся Олонецкий. – Эх, пошла потеха!..

И потеха пошла! – будто прежние времена вернулись, так и мерещилось: не карау-пари неведомые наступают, а турки под Гумры-Артиком. Русские палили сквозь чащу, всюду раздавались возгласы, стоны; сельва дрожала, наполнялась криками разбуженных птиц... Но минут сорок спустя – Обухов заглянул под никелевый корпус походных часов – всё стихло...

– Чья виктория? – пробормотал Олонецкий.

– Пойдём, посмотрим.

Прислушались – тихо. Выглянули осторожно – никого.

– Идём?

– Идём!..

Костёр догорал – хорошо лес не подпалили; на деревья гроздьями падала ночь.

– Слышишь? – прошептал Луис.

В паре сажень от них кто-то негромко постанывал. Не торопясь, стараясь не захрустеть валежиной, двинулись на звук.

– Кто ж тебя этак? – присвистнул Олонецкий.

Перед ними, привязанный к могучему стволу сейбы, стоял молодой индеец, истекающий кровью из многочисленных ран.

– Тебя б, дружок, перевязать надо, – сказал Обухов.

– И отвязать заодно... – добавил Олонецкий.

Отвязали. Луис сбегал за переносным лазаретом, что нетронутый так и лежал подле костра, промыли раны – сперва водой, после ромом. Индеец молча сносил боль, лишь что-то щебетал на своём – цокающем.

– О чём он? – спросил Обухов.

– Благодарит, – ответил Луис. – Что-то навроде... сейчас... ага! – я отныне ваш раб... И всегда буду с вами, пока не смогу отплатить тем же...

– Да, пустое! – Обухов поморщился, отмахнулся – Какой раб? Ты скажи ему...

Луис покачал головой.

– Обычай. Он освободится от клятвы только тогда, когда сможет спасти того, кто спас его. Или если его убьют... Или спасителя... Но это – позор.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.